И 241/2660

ВОСПОМИНАНІЯ

О

Я. К. АМФИТЕАТРОВѢ,

БЫВШЕМЪ ПРОФЕССОРѢ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

В. А.

КІЕВЪ.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1854.

(Изъ Неоф. части Кіевскихъ Губерн. Вѣдом. № 38 и 39.)

17372-76

ВОСПОМИНАНІЯ

о

Я. К. АМФИТЕАТРОВѢ,

БЫВШЕМЪ ПРОФЕССОРОМЪ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Шесть лѣтъ уже тому, какъ смерть похитила изъ среды насъ достойнѣйшаго и замѣчательнѣйшаго человѣка. Не громка, не блистательна, но многополезна была дѣятельная жизнь его. Онъ жилъ для науки, отказавшись отъ всего, что имѣетъ въ себѣ свѣтъ привлекательнаго; онъ умеръ страдальцемъ мысли и чувства!

Вѣчная память тебѣ, добрѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ! Долгая—долгая благодарность за многополезную жизнь твою! Мы знали тебя; сказался ты всей Руси святой своимъ живымъ, прекраснымъ словомъ, и имя твое всегда будетъ красоваться въ лѣтописи отечественной учености и образованія! Съ чувствомъ благоговѣйной при-

знательности берусь за перо, чтобъ сказать о тебѣ вѣрное и правдивое слово.

Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ родился Октября 1800 года въ Орловской губерніи, Кромскаго уѣзда, селѣ Высокомъ. Изучивъ славянскую грамоту и псалтирь, подъ руководствомъ своего отца, тамошняго причетника, а потомъ священника Косьмы Амфитеатрова, онъ поступилъ потомъ въ Сѣвскія духовныя училища, гдѣ и началъ проходить всѣ классы по порядку. Отличные успѣхи и примѣрное поведеніе скоро поставили *Амфитеатрова*, въ числѣ первыхъ воспитанниковъ училища, а потомъ семинаріи. Пылкой и горячей душою онъ однакожъ почувствовалъ потребность другихъ познаній, кромѣ тѣхъ, которыя давала ему сухая, схоластическая ученость того времени. *Амфитеатровъ*, постоянно обогащая умъ свой чтеніемъ книгъ, нашелъ себѣ учителя въ окружавшей его природѣ. Дикое и почти пустынное мѣстоположеніе Сѣвскихъ училищъ положило на впечатлительную душу юнаго питомца печать самоуглубленія и собесѣдованія съ природой, любовь къ которой отразилась въ послѣдствіи времени на всей жизни *Амфитеатрова*, во всякой строкѣ его художническаго пера. Онъ не любовался ею, какъ дилетантъ, гоняющійся за минутнымъ впечатлѣніемъ: но изъ чуд-

ныхъ явленій ея извлекалъ уроки, которыхъ не дастъ никакая человѣческая мудрость.

Время, проведенное Я. К. *Амфитеатровымъ* въ училищахъ раздѣляется на три періода: съ 1812 по 1819 годъ онъ находился въ низшихъ Сѣвскихъ духовныхъ училищахъ; съ 1819 по 1825 въ бывшей тогда въ Сѣвской же Орловской Семинаріи; а съ 1825 по 1829 годъ онъ обучался въ Кіевской Духовной Академіи. Здѣсь окончилось его школьное образованіе; какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ *Амфитеатровъ* утвержденъ бывшею тогда коммисіею духовныхъ училищъ въ степени Магистра Богословія и Словесныхъ наукъ, и тогда же опредѣленъ Баккалавромъ или Адъюнктъ-профессоромъ по классу Церковнаго краснорѣчія въ той же Академіи. Тутъ-то открылось внутреннее богатство тѣхъ свѣтлыхъ и благотворныхъ познаній, тѣхъ чиссыхъ и возвышенныхъ чувствованій, которыми запасался онъ издавна, подъ руководствомъ любимыхъ имъ науки и природы. Надо было слышать это живое, энергическое слово, исходившее изъ устъ молодаго наставника! Не мудрствуя лукаво, не прибѣгая къ ложной экзальтаціи, не убирая рѣчи своей пустыми фразами, *Амфитеатровъ* говорилъ всегда просто, даже слишкомъ просто: но какая бездна мысли и чувства бы-

вала всегда въ этой видимой простотѣ! Нечего и говорить о томъ, когда увлекался онъ чѣмъ либо изъ своей науки; передъ слушателями живѣе становился тогда увлекательный Цицеронъ и громоносный Димосфенъ. За тожь и лекціи *Амфитетрова* бывали праздникомъ для воспитанниковъ Академіи, которые грѣхомъ считали пропустить урокъ и не послушать «Кузьмича». Да и было что послушать! Не довольствуясь употреблявшимися дотолѣ сухими и безжизненными образцами науки гомилетической, пришедшими къ намъ съ запада, *Амфитеатровъ* проложилъ себѣ новую стезю. Онъ первый открылъ глаза своихъ слушателей на прославляемыхъ Фенелоновъ, Массильоновъ, Бурдалу, Флешье и прочія знаменитости западнаго краснорѣчія: онъ первый указалъ ихъ недостатки, ихъ хвастливую плодовитость, ихъ ложную аффектацію; онъ первый сказалъ слово правды, что русскому проповѣднику не къ лицу Французское многоглаголаніе, сухой нѣмецкій анализъ и англійскій эмпиризмъ. Онъ положилъ передъ понятливыми своими слушателями безсмертныя творенія Златоуста, Василія Великаго, Аѳанасія, Григорія и училъ живо и дѣйственно, благотворно и спасительно вѣщать людямъ Слово Божіе. Забыть нельзя того искренняго одушевленія, съ которымъ покойный объ-

яснялъ бывало слезоточивыя страницы св. Ефрема Сирина или простую, безхитростную рѣчь св. Димитрія Ростовскаго! «Вотъ гдѣ, восклицалъ «онъ—истинное, родное наше краснорѣчіе! Вотъ «у кого учитесь писать! А Французы и Нѣмцы «намъ не годятся!»

Въ 1837 году Я. К. *Амфитеатровъ* былъ утвержденъ въ званіи ординарнаго профессора Церковнаго краснорѣчія. и продолжалъ неослабно дѣйствовать въ пользу своей, собственно имъ созданной, науки. Плодомъ этого было наконецъ сочиненіе, вышедшее въ свѣтъ 1846 года, подъ заглавіемъ: »*Чтенія о Церковной Словесности, или Гомилетикѣ*. Весь ученый и литературный міръ встрѣтилъ похвалами и радостными привѣтствіями это превосходное произведеніе глубоко-наблюдательнаго ума, большой учености и многолѣтняго опыта. Дѣйствительно, до сихъ поръ въ нашей литературѣ не являлось ничего подобнаго. Какъ классическая книга, она кромѣ того заслуживаетъ почетнѣйшее мѣсто и у каждаго любителя русскаго, православнаго нашего просвѣщенія. Какъ мелки и жалки подлѣ этого высокаго руководства кажутся всѣ прославленныя сочиненія западныхъ ораторовъ! Повѣряемыя строгимъ критеріумомъ великихъ свѣтилъ церкви Вселенской, онѣ вдругъ разоблачились отъ той роскоши, ка-

кою убирались предъ лицомъ свѣта, пріученнаго глядѣть только на наружную сторону ораторскихъ произведеній. Драгоцѣнный подарокъ изъ кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА былъ наградою благородному и добросовѣстному труженику науки. *Яковъ Косьмичъ* былъ утѣшенъ этимъ уже на смертномъ одрѣ, и послѣдняя заря грустныхъ и скорбныхъ дней его освѣтилась милостивымъ вниманіемъ Августѣйшаго Покровителя всего добраго и полезнаго въ любезномъ нашемъ Отечествѣ. А между тѣмъ не безъ искренней душевной радости, конечно, видѣлъ *Амфитеатровъ*, что сѣмя, сѣянное имъ въ продолженіи всей многотрудной и многополезной жизни, пало не на безплодную землю. Цѣлыя сотни его воспитанниковъ, изъ коихъ многіе уже занимаютъ высокія мѣста въ Іерархіи Церковной, съ благодарностію произносятъ имя своего наставника, и во всѣхъ концахъ обширнаго нашего Отечества есть дѣлатели, возросшіе и питавшіеся вдохновеннымъ словомъ незабвеннаго *Якова Косьмича Амфитеатрова*.

Но преподавая уроки, какъ профессоръ, *Амфитеатровъ* являлся и на каѳедрѣ церковной, какъ проповѣдникъ. Всегда оставаясь въ духовномъ званіи, и исключительно посвятивъ себя наукѣ, въ обширномъ смыслѣ сего слова, онъ не за-

хотѣлъ получать свѣтскія отличія и чины, и потому самъ иногда становился на чредѣ тѣхъ молодыхъ проповѣдниковъ Слова, которыхъ воспитывалъ онъ въ духѣ премудрости и страха Божія. Это былъ праздникъ для всѣхъ знавшихъ и почитавшихъ талантъ *Амфитеатрова*. Кіевляне съ справедливымъ самодовольствіемъ могутъ сказать, что они слышали *Леванду*, *Иннокентія* и *Я. К. Амфитеатрова*. Дѣйствительно, какъ въ составленіи, такъ и въ сказываніи своихъ поученій послѣдній изъ нихъ былъ въ высшей степени своеобразенъ. Просто, даже какбы неловко всходитъ онъ бывало на каѳедру; начинаетъ, по видимому, безъ одушевленія, но чѣмъ дальше, тѣмъ прикованнѣй къ проповѣднику становится вниманіе слушателя, тѣмъ обильнѣе пошло въ душу животворное слово его. Вы слушаете его не съ той гордой осанкой, которую невольно придаетъ вамъ краснорѣчивый ораторъ, не съ выраженіемъ критицизма, не съ готовою даже на устахъ похвалою,— нѣтъ, при сказываніи *Амфитеатровымъ* поученія никто бывало духу не переведетъ, съ похвалою некогда собраться, а о критикѣ и думать нечего. Онъ сполна овладѣлъ вами и уже невыпуститъ васъ изъ рукъ до послѣднихъ, заключительныхъ словъ своихъ: »Емуже слава во вѣки вѣковъ, аминь.« Но вотъ

уже нѣтъ властителя вашихъ благочестивыхъ думъ; онъ сошелъ съ каѳедры также просто, также не ловко; вы проводили его благодарными очами и уже забыли личность проповѣдника: съ вами осталось только живое, поражающее слово его, и вы осязательно чувствуете, какъ глубоко и благотворно пошло оно вамъ въ душу.

Не зарывалъ онъ своего таланта въ землю; многочисленны были его поученія: но покойный не любилъ собирать и хранить ихъ, а выпросить у него для переписки почти не было возможности. За то, какъ же обрадованы были всѣ почитатели *Амфитеатрова;* когда въ первыхъ же листахъ начавшаго выходить тогда Воскреснаго Чтенія начали появляться произведенія его сильнаго и увлекательнаго пера! Въ этомъ изданіи не принято подъ статьями подписывать имя автора: но всякій, кто сколько нибудь ознакомился съ манерою и слогомъ *Амфитеатрова,* съ первой же строки могъ безошибочно угадать, что это его сочиненіе. Необыкновенная живость картинъ, сила, потрясающая сердце, рѣдкая умилительность и естественность, не чуждая нѣкотораго юмора вотъ отличительныя черты всѣхъ мелкихъ статей *Амфитеатрова!* Особенно увлекательны и въ высшей степени утѣшительны были мудрыя его бесѣды, подобныя, напримѣръ, *Бесѣдѣ*

священника съ прихожаниномъ, у котораго сынъ распутный; Бесѣды о сиротствѣ или *Бесѣды священника съ бѣдною вдовою, оставшеюся съ сыномъ.* Кажется, слышишь голосъ отца, соболѣзнующаго о твоей невознаградимой потерѣ, чуешь сердцемъ утѣшеніе друга, для котораго твоя скорбь стала его скорбію, и горькая слеза ощутительно растворяется успокоительной сладостью.

Съ души, какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко....

Зная по опыту всю важность и благотворность единственно вѣрнаго и спасительнаго руководства св. Церкви въ жизни вѣрующихъ, *Амфитеатровъ* положилъ изобразить ее, какъ любвеобильную матерь, съ нѣжностію и любовію пекущуюся о чадахъ своихъ и научить Христіанъ, какъ въ ея святыхъ уставахъ и учрежденіяхъ обрѣтать наставленіе и утѣшеніе, отраду и благотворную помощь. Плодомъ этой благочестивой рѣшимости были *Бесѣды объ отношеніи Церкви къ Христіанамъ*, помѣщенныя сначала въ Воскресномъ Чтеніи, и потомъ напечатанныя отдѣльно (1847 года). Требованія на эту полезную книгу были такъ велики, что въ самое непродолжительное время понадобилось второе, потомъ третье, а теперь

уже четвертое изданіе. Не мѣсто тутъ входить въ разборъ этого высоко-христіанскаго творенія. Его довольно уже оцѣнила вся Русь православная. (а)

Амфитеатровъ зналъ и любилъ нашу Отечественную литературу, какъ знаютъ и понимаютъ ее очень и очень немногіе. Его сужденія о представителяхъ нашей Словесности отличались необыкновенною ясностію, положительностью, твердостью и вѣрностію взгляда. Всякая замѣтка его по сему предмету была слѣдствіемъ долговременнаго и глубокаго размышленія, и отъ того подъ сокрушительнымъ приговоромъ его неразъ падали кумиры прославленныхъ корифеевъ нашей литературы. Удивительна мѣткость, съ какою бывало умѣлъ онъ всегда отдѣлить во всякомъ сочиненіи хорошее отъ дурнаго, лебеду отъ зерна. Невольно заподозришь бывало въ непрочности и неискренности свое пристрастіе къ кому либо изъ знаменитыхъ нашихъ писателей.

(а) По смерти Я. К. *Амфитеатрова* вышелъ въ свѣтъ его переводъ *Писемъ св. Іоанна Златоуста къ діакониссѣ Олимпіадѣ* (1853 г.), напечатанный сперва по частямъ въ Воскресномъ Чтеніи. Всѣ упомянутыя сочиненія *Амфитеатрова* продаются въ Правленіи Кіевской Духовной Академіи и у разныхъ книгопродавцевъ въ обѣихъ нашихъ столицахъ.

Время довольно уже и теперь оправдало вѣрность предсказательныхъ замѣтокъ *Амфитеатрова* и продолжаетъ еще оправдывать, къ изумленію тѣхъ, которые тогда не хотѣли ему вѣрить. Многія литературныя знаменитости уже развѣнчаны; иныя едва держатся на своихъ подмосткахъ, и того гляди рухнутъ...

Въ первые годы существованія Маяка, *Амфитеатровъ* явился однимъ изъ ревностнѣйшихъ его сотрудниковъ. Сначала помѣщались тамъ въ смѣси небольшія его статейки, заимствованныя изъ народнаго нашего быта, подъ заглавіемъ: *Простоволосые*. Наконецъ появилась въ Маякѣ большая повѣсть, *Лёва Долина*, подписанная такъ: *писалъ Аѳанасій Ивановъ самовидецъ*. Это было въ 1844 году. Кто такой этотъ Аѳанасій Ивановъ? спрашивали литературные аристократы, изумленные высокимъ талантомъ неизвѣстнаго Кіевлянина, глубокой и многосторонней наблюдательностью, добротою и живостью чувства, силою воображенія и необыкновенной картинностью разсказа. Тогда еще преслѣдовали эту рѣчь, которая въ такомъ совершенствѣ сказалась послѣ въ разсказахъ гг. Григоровича и Тургенева; тогда этотъ языкъ нѣкоторые журналы, безъ милосердія наводнявшіе нашу литературу иноземными фраза-

ми, называли »мужицкимъ«: но публика, къ счастію, невсегда слушаетъ журнальныхъ говоруновъ, невсегда поддается ихъ литературному деспотизму. Неизвѣстный Аѳанасій Ивановъ привелъ въ восторгъ почитателей русской молви, заставилъ прямо взглянуть въ сердце человѣческое, раскрытое во всю ширину его могучимъ перомъ. Въ литературныхъ кружкахъ образовались партіи, и какъ водится, одни до небесъ превозносили, другіе отзывались съ пренебреженіемъ объ этомъ оригинальномъ произведеніи Аѳанасія Иванова. Между тѣмъ извѣстный нашъ славянистъ И. *А. Боричевскій* печатно обѣщался было заняться подробнымъ разборомъ повѣсти неизвѣстнаго Кіевлянина: но дѣло на томъ и остановилось; публика не имѣла удовольствія прочитать критики Боричевскаго, а жаль! Едва ли кто изъ нашихъ литераторовъ могъ въ то время такъ вѣрно и такъ хорошо разобрать это произведеніе чисто русскаго, народнаго писателя, насквозь проникнутаго святымъ Православіемъ, любовію къ Престолу и Отечеству и искреннимъ уваженіемъ ко всему тому, что завѣщали намъ добраго и полезнаго простодушные, но разумные наши дѣды.

Повѣсть: *Лева Долина* доселѣ не напечатана

отдѣльно, а остается въ Маякѣ за 1844 годъ. Тамъ же и другая небольшая повѣсть *Амфитеатрова: Падающія звѣзды.* Все это, къ сожалѣнію, остается мало извѣстнымъ читающему міру.

Глубоко и основательно изучивъ всѣ философскія системы древнихъ и новѣйшихъ школъ, постигнувъ всю призрачную высокость германской философіи послѣдняго времени, *Амфитеатровъ* терпѣть не могъ вмѣшательства ея въ дѣло религіи. Энергически возставалъ онъ противъ всякаго, кто осмѣлился бы при немъ неизслѣдимую какую либо тайну Вѣры подвергать философскому анализу; въ этомъ случаѣ не щадилъ онъ доказательствъ надъ усиліями философствующаго ума, и какъ молотомъ разбивалъ всѣ его софистическія убѣжденія. Вообще, *Амфитеатровъ* не любилъ германщины, и даже къ Нѣмецкому языку всегда питалъ непреодолимое отвращеніе, хотя и зналъ его самъ. Врагъ всякой туманной выспренности, онъ не терпѣлъ ее нигдѣ; вычурныя выраженія и хитро придуманныя фразы преслѣдовалъ онъ неотразимымъ сарказмомъ. Бѣда бывало студенту, который осмѣлится щегольнуть какимъ нибудь моднымъ, журнальнымъ выраженіемъ, или

иностраннымъ словцомъ, выкроеннымъ на русскую стать! Въ эпоху преслѣдованія невинныхъ мѣстоименій: *сей* и *оный*, *Амфитеатровъ* явился однимъ изъ крѣпкихъ защитниковъ мелодичности рѣчи русской, и какъ дважды два доказалъ увлеченной молодежи скрыпучесть періодовъ, обременяемыхъ вставными предложеніями съ неизбѣжной прибавкой *которыхъ* и неблагозвучныхъ *этихъ*. Объ этомъ не утерпѣлъ онъ, чтобъ несказать на лекціи, при которой присутствовалъ однажды нашъ ветеранъ—литераторъ Н. И. Гречъ. Отлично знакомый со всѣми корифеями нашей литературы, *Амфитеатровъ* мѣтко показывалъ хорошую и дурную ихъ сторону, и нещадно поражалъ своимъ рѣзкимъ приговоромъ вычурности Марлинскаго и его послѣдователей. Какъ бы ни хорошъ былъ оборотъ, какъ бы ни роскошно риторическое словоизвитіе, *Амфитеатровъ* прямо обличалъ ихъ неестественность, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни встрѣтились — въ поученіи ли, въ бесѣдѣ ли, въ студентческой ли диссертаціи, или въ беллетрическомъ сочиненіи прославляемаго литератора. Вторая часть его Гомилетики содержитъ въ себѣ великое множество такихъ замѣтокъ, полныхъ глубокаго убѣжденія, и самаго пріятнаго и легкаго юмора.

Обладая многосторонними свѣденіями и со-

вершенно чуждый всякой педантической спѣси, *Амфитеатровъ* охотно, даже съ удовольствіемъ руководилъ студентовъ, прибѣгавшихъ къ нему за совѣтами, особенно въ послѣдній годъ Академическаго курса, когда обыкновенно пишутся сочиненія на степень. Чуждый ложнаго этикета, проповѣдуемаго заморскимъ образованіемъ, онъ обходился съ воспитанниками Академіи, какъ съ младшими своими братьями, — и студенты понимали своего добраго и умнаго наставника. Какъ чести, добивались они отъ своего «Кузьмича» искренняго «ты», вмѣсто церемоннаго, на французскій ладъ построеннаго «вы», и простительно завидовали тому, кого онъ удостоивалъ своего откровенно дружескаго обращенія. Такіе счастливцы бывали у него въ каждомъ академическомъ курсѣ; любвеобильному сердцу незабвеннаго *Якова Косьмича* тѣсно и грустно было оставаться всегда одному; онъ искалъ, съ кѣмъ подѣлиться добрымъ, искреннимъ словомъ, и всегда находилъ въ кругу скромныхъ и благородныхъ воспитанниковъ Академіи. Съ благодарной скорбію вспомнятъ объ этомъ нѣкогда бывшіе любимцы *Амфитеатрова*, и скажутъ объ немъ гораздо болѣе того, что сказано здѣсь.

Самъ познавъ нужду во всей ея тяжелой

наготѣ, *Амфитеатровъ* любилъ благодѣтельствовать бѣднякамъ, лишеннымъ всякаго вспоможенія. Еще живы тѣ, которыхъ онъ своими благодѣяніями извлекъ изъ горькой нищеты, которымъ далъ средства къ образованію и довелъ до значительной въ свѣтѣ степени. Скромность не позволяетъ намъ указывать лично на облагодѣтельствованныхъ имъ; но они сами не потаятъ того передъ людьми ихъ окружающими. Но благодѣтельствуя, *Амфитеатровъ* никогда не любилъ благодарныхъ изліяній, и почти съ досадой отвращивался отъ того, кто рѣшился бы приступить къ нему съ изъявленіемъ признательности. За то, какъ онъ радовался, если видѣлъ, что благодѣянія его не пропадаютъ даромъ, что поднятый имъ изъ нищеты и бѣдности оправдываетъ его надежды и желанія! „Спасибо тебѣ, „*голубенокъ*,—говаривалъ онъ такому бѣдняку: я „зналъ, что изъ тебя будетъ прокъ!“ Вотъ и вся для него награда! Миръ и вѣчная память тебѣ, высокая и благородная душа!....

Обремененный немощами и неисцѣлимой болѣзнію, сократившею дни его, *Амфитеатровъ* отказался навсегда отъ узъ супружескихъ, и умеръ, какъ и былъ, одинокимъ. Но высоко цѣня счастіе семейной жизни, онъ грустно смотрѣлъ на

себя, чуждаго такому счастію. Напрасно въ дружескихъ, откровенныхъ бесѣдахъ совѣтовали ему пріискать себѣ достойную спутницу жизни,— онъ упорно и съ грустной ироніей отказывался отъ этого! „Эхъ, *голубенокъ!* говорилъ онъ: что „я за сумашедшій, чтобъ заставить какую ни„будь бѣдняжку терпѣть мои немощи, мои бо„лѣзненные капризы! Мнѣ одному далъ ихъ „Богъ, одинъ и понесу я ихъ до могилы.“ Черта высокая, полная истиннаго самоотверженія! Онъ не измѣнилъ единственной спутницѣ своей многотрудной жизни, вмѣстѣ съ нимъ терпѣливо переносившей его немощи; спутницей этой была наука: съ нею-то прожилъ онъ неразлучно болѣе четверти вѣка, и проводила она его въ могилу, оставшись живой свидѣтельницей полезнѣйшихъ трудовъ своего неизмѣннаго друга.

Амфитеатровъ рѣдко являлся въ обществѣ. Онъ всегда чувствовалъ себя неловко тамъ, гдѣ люди говорятъ для того только, чтобъ не молчать, и гдѣ задушевная мысль является странною и эксцентрическою. Особенно крѣпко не по душѣ бывала ему чопорность и манерность нѣкоторыхъ или „просто пріятныхъ дамъ, или дамъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.“ Съ ними онъ никакъ не могъ сговорить, не имѣя

силъ и теребѣнія подлѣлываться подъ ихъ высокій слогъ и мелочную щепетильность. Оставаясь изъ приличія на какіе нибудь полчаса, онъ незамѣтно уходилъ къ своимъ пенатамъ, и заводилъ съ ними умный и оживленный разговоръ. Чувство изящнаго, широко развитое богатою душой *Амфитеатрова* заставляло его любить музыку, но только не италіанскую, не ту, которая является въ нашихъ свѣтскихъ романсахъ, а музыку простую, народную, гдѣ поетъ сама душа, подъ аккомпаниманъ животрепещущаго слова. Но больше всего утѣшали скорбную душу его пѣснопѣнія нашей Православной Церкви. Самые простые напѣвы погружали его въ умиленіе, и оставался онъ неподвижнымъ, прислушиваясь внутреннимъ слухомъ къ высокой мелодіи, неуловимой никакимъ контрапунктомъ.

Почти двадцать лѣтъ ревностной, неутомимой ученой службы и частые недуги предрасположили *Амфитеатрова* сначала къ преждевременной старости, а наконецъ къ болѣзни, единственнымъ исходомъ которой большею частію бываетъ могила. Въ первую недѣлю Великаго Поста, *Яковъ Косьмичъ*, движимый святымъ христіанскимъ чувствомъ, посѣтилъ пещеры для поклоненія нетлѣннымъ мощамъ угодниковъ Бо-

жіихъ. Возвращаясь оттуда, онъ получилъ простуду, которая скоро обратилась въ смертельный недугъ. По убѣжденію близкихъ къ нему, онъ принялъ пособія медицины, но и та скоро отказалась возстановить здоровье, быстро разрушаемое тяжкой болѣзнію. Тѣмъ же лѣтомъ, мѣсяца за полтора до своей кончины, *Амфитеатровъ* переѣхалъ за городъ, въ хуторъ, принадлежащій Митрополитанскому дому, чтобы пользоваться леченіемъ на свѣжемъ, сельскомъ воздухѣ: но уже и природа не могла поддержать силъ, потрясенныхъ въ своемъ основаніи. Чувствуя приближеніе кончины, *Яковъ Косьмичъ* переѣхалъ сперва въ Митрополитанскій домъ, состоящій при Софійскомъ Соборѣ, а потомъ за нѣсколько дней до смерти въ Академію. Здѣсь съ полнымъ присутствіемъ духа занялся онъ составленіемъ духовнаго завѣщанія, и устроившись такимъ образомъ, отложилъ за тѣмъ всякое попеченіе житейское, и сталъ уже думать только о приготовленіи себя къ дальнему и невозвратному путешествію. Два раза сподобился онъ причаститься святыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ, достойно благодаря Господа за вся благая въ животѣ своемъ, и съ особеннымъ чувствомъ умиленія и утѣшенія принялъ таинство Елеосвященія. Высоко-

преосвященнѣйшій Митрополитъ Кіевскій Филаретъ посѣтивъ страдальца на болѣзненномъ одрѣ, осѣнилъ его послѣднимъ благословеніемъ; а вечеромъ въ тотъ же день, какбы по какому-то предчувствію собрались къ нему нѣкоторыя лица, родные и близкіе его. Съ яснымъ и веселымъ лицомъ онъ простился со всѣми, дружелюбно выговаривая за то, что они безпокоились для него. Еще минута—и незабвеннаго *Якова Косьмича* не стало.... Безболѣзненно разрѣшился духъ его отъ тѣла, уже истомленнаго страданіемъ; мирно и тихо сомкнулись усталыя вѣжды добраго христіанина. Онъ скончался 8 Іюля 1848 года въ десятомъ часу по полудни.

Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ былъ росту средняго; лицо его, не отличаясь правильностью и красотою, было выразительно, полно думы и едва уловимой иронiи. Болѣзни и труды убѣлили его голову ранней сѣдиною. Сутуловатый, а въ послѣднее время даже сгорбившійся, онъ не отличался граціозными движеніями, и рѣдко поднималъ глаза, наиболѣе устремленные долу и всегда выражавшіе доброту и простодушіе.

Высокопреосвященный Митрополитъ Филаретъ, не смотря на свое желаніе отдать послѣдній долгъ человѣку, имъ любимому, и кромѣ

того, близкому своему родственнику, не могъ отправлять заупокойной литургіи, по случаю совершающагося 10 Іюля въ Лаврѣ празднованія препод. Антонію; почему литургію и погребеніе совершалъ въ Братскомъ монастырѣ Преосвященный Аполлинарій, Викарій Кіевской митрополіи. Здѣсь бывшій тогда Ректоръ Академіи (нынѣ Епископъ Тульскій) Димитрій произнесъ въ высшей степени трогательное слово, напомнивъ сѣтующимъ слушателямъ труды покойнаго, подъятые имъ во славу Божію и на пользу юношества. Тѣло усопшаго, сопутствуемое знатнѣйшимъ духовенствомъ города Кіева, прибывшимъ единственно по усердію и уваженію къ памяти покойнаго, сопровождаемо было отъ Братскаго монастыря до Рождественской церкви Преосвященнымъ Аполлинаріемъ; отсюда до монастыря Николаевскаго Ректоромъ Димитріемъ; а отъ Николаевскаго до Выдубицкаго монастыря тогдашнимъ Ректоромъ Семинаріи Кіевской (а нынѣ Академіи) Архимандритомъ Антоніемъ. Тамъ, по желанію покойнаго, почили бренные его останки. На скромномъ памятникѣ, воздвигнутомъ на могилѣ *Я. К. Амфитеатрова*, нѣтъ хитрыхъ выраженій земнаго тщеславія, а стоятъ слова Писанія, которое обнималъ онъ умомъ своимъ и сердцемъ...

Благочестивый путникъ, ступивший на досто памятную землю Выдубицкаго монастыря! Входя въ храмъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, оглянись на лѣвую сторону, и пожер съ молитвою царствія небеснаго рабу Бо *Іакову!...*